

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА НЕМЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА: ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ И РЕГУЛИРОВАНИЯ¹

Аннотация. В статье рассматриваются пробелы в правовом обеспечении прав человека в условиях развития вооруженных конфликтов немеждународного характера. Обращено внимание на различные политические оценки, которые могут озвучиваться при толковании конфликтов внутри страны, когда заинтересованными участниками выступают различные государства. Определено, что режим вооруженного конфликта немеждународного характера предусматривается II-й Дополнительным протоколом к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающимся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера – Протокол II от 8 июня 1977 г. Указывается на отсутствие единого понятия «война», что оказывает влияние на неоднозначность толкования вооруженного конфликта немеждународного характера. Выделены основные гарантии соблюдения прав человека в условиях такого конфликта. Обращено внимание на статус частных военных компаний.

Ключевые слова: права человека, гарантии, война против террора, вооруженный конфликт, немеждународный характер.

V. G. Romanovsky

Penza State University, Penza, the Russian Federation

HUMAN RIGHTS IN NON-INTERNATIONAL ARMED CONFLICT: PROTECTION AND REGULATION ISSUES

Abstract. The article examines the gaps in the legal provision of human rights in the context of the development of non-international armed conflicts. Attention is drawn to various political assessments that can be voiced when interpreting conflicts within a country, when various states are interested parties. It was determined that the regime of an armed conflict of a non-international character is provided for by the Second Additional Protocol to the Geneva Conventions of August 12, 1949, concerning the protection of victims of armed conflicts of a non-international character - Protocol II of June 8, 1977. It is pointed out that there is no single concept of "war" that influences the ambiguity of the interpretation of a non-international armed conflict. The main guarantees of observance of human rights in conditions of such a conflict are highlighted. Attention is drawn to the status of private military companies.

Key words: human rights, guarantees, war against terror, armed conflict, non-international character.

Права человека являются важной ценностью, признаваемой во всем мире. Это закрепляется в базовых международных документах. Устав ООН в преамбуле провозглашает ключевую цель – «вновь утвердить веру в основные права человека». 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН принята Всеобщая декларация прав человека, в которой в первых строчках можно найти главные слова: «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира». 10 декабря ежегодно празднуется как День прав человека. В развитие Всеобщей декларации прав человека в 1966 г. приняты два Пакта: о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах. В

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00096.

совокупности три указанных документа составляют собой Международный билль о правах человека.

Права человека наиболее уязвимы во время вооруженного конфликта. Именно поэтому этот аспект подлежит масштабному международно-правовому регулированию, в основе которого находятся Женевские конвенции 1949 г.:

- Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (Конвенция I);
- Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (Конвенция II);
- Конвенция об обращении с военнопленными (Конвенция III);
- Конвенция о защите гражданского населения во время войны (Конвенция IV).

Несмотря на значительный объем указанных документов, уже к 1977 г. во время возникновения масштабного национально-освободительного движения (прокатившегося по многим странам Третьего мира) стала понятна недостаточность нормативного материала. Это привело к принятию двух дополнительных протоколов:

- Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов;
- Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера.

Однако если война еще относительно недавно считалась священным правом государства, а конфликты в большинстве случаев носили международный характер, то в настоящее время картина кардинально изменилась. На смену пришли внутренние вооруженные конфликты. Ели следовать терминологии международного права – вооруженные конфликты немеждународного характера. Их правовой режим регулируется незначительным (в отличие от вооруженных конфликтов международного характера) числом международных документов. Во-первых, эта единая ст. 3 Женевских конвенций 1949 г., предусматривающая общее гуманитарное направление в решении всех возникающих спорных ситуаций, прямо не урегулированных Женевскими конвенциями («оговорка Мартенса» – общая формула о том, что воюющие не пользуются неограниченным правом в выборе средств нанесения вреда неприятелю).

Оговорка Мартенса появилась в Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, принятых в конце XIX в. Уже в то время при формулировании правил войны все понимали, что в условиях такой экстраординарной ситуации предусмотреть все случаи невозможно. Государства будут стремиться обойти общие согласованные положения, ссылаясь на отсутствие прямого закрепления. Тогда известный российский ученый, юрист-международник Ф. Ф. Мартенс предложил общее правило – «в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания». Создан посыл: соблюдение законов человечности, а не поиск обходных путей установленных запретов. А. И. Ковлер, известный юрист-международник современности, отмечает: «Оговорка Мартенса, дающая право как гражданскому населению, так и комбатантам на защиту и действие обычного права, законов человечности даже в случае отсутствия какой-либо нормы в договорном праве, логически вытекала из позиций гуманизма выдающегося юриста, выступавшего всю жизнь за признание основных прав, которые неразрывно связаны с человеческой личностью» [1].

Во-вторых, это II-й Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов

немеждународного характера – Протокол II от 8 июня 1977 г., ратифицирован Постановлением Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 г. №330-1 [2]. Объем этого Протокола незначительный. М. Г. Смирнов справедливо указывает: «Дополнительный протокол II 1977 г. – минимальный свод норм, разработанный и принятый государствами, направленный на защиту жертв вооруженного конфликта немеждународного характера» [3].

Между тем, вооруженный конфликт немеждународного характера стал пространенным явлением. Степень интенсивности, а также наличие жертв, объем причиненного ущерба зачастую превышает показатели войны с участием нескольких государств. Кроме того, признаки данного конфликта несколько размыты, что в некоторых случаях не позволяет применить четкие юридические дефиниции. Яркий пример – события в Луганской и Донецкой областях. Украинская сторона настаивает на том, что налицо агрессия внешнего врага – Российской Федерации. В Украине принят специальный закон с характерным названием – Закон Украины от 18 января 2018 . №2268-VIII «Об особенностях государственной политики по обеспечению государственного суверенитета Украины на временно оккупированных территориях в Донецкой и Луганской областях». Ранее был принят Закон Украины от 15 апреля 2014 г. №1207-VII «Об обеспечении прав и свобод граждан и правовом режиме на временно оккупированной территории Украины». В преамбуле закона 2018 г. прямо указывается на понятие агрессии, изложенное в п. 3 Резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 14 декабря 1974 г. «Определение агрессии». Кроме того, в преамбуле закона можно найти дополнительные тезисы: «отмечая, что вооруженная агрессия Российской Федерации началась с необъявленных и скрытых вторжений на территорию Украины подразделений вооруженных сил и других силовых ведомств Российской Федерации, а также путем организации и поддержки террористической деятельности». Закон 2014 г. не так категоричен. Пункт 6 статьи 5 лишь предусматривает возможность возмещения вреда, обязанность же возлагается на Российскую Федерацию со специальным уточнением – «как на государство, осуществляющее оккупацию».

Российская Федерация категорически отрицает такую трактовку событий. Если говорить о «Крымской истории», то имел место референдум, на котором жители полуострова высказались за самостоятельность и присоединение к Российской Федерации. Указом Президента РФ от 17 марта 2014 г. №147 Крым был признан в качестве самостоятельного государства. 18 марта был заключен Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов, в рамках которого определялась «дорожная карта» процесса объединения. Было принято также Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2014 г. №6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов». Россия категорически отрицает свое участие в конфликте на Донбассе.

Некоторые международные организации представляли свое видение конфликта. Международный Комитет Красного Креста (МККК) неоднократно в своих релизах признавал вооруженный конфликт на Донбассе с точки зрения II-го Дополнительного протокола. Международная Амнистия, напротив, утверждала, что налицо конфликт международного характера, где Россия – его непосредственный участник. При этом власти Украины всегда указывали, что не находятся с Россией в состоянии войны (но объявляя агрессором). Естественно, подобные разночтения и неопределенности развязывали руки военным и властям (с обеих противоборствующих сторон) в вопросах ограничений прав и свобод граждан Украины, проживающих или находящихся на соответствующих территориях.

Отойдем от любых политических оценок. Ситуация с Донбассом и Крымом лишь пример того, насколько могут различаться трактовки тех или иных политических событий. И подобных примеров можно привести достаточно много, поскольку таких конфликтных ситуаций, сочетающих в себе противоречивые интересы различных стран, достаточно много. В зависимости от толкования конфликт будет иметь и различные признаки – либо международного, либо немеждународного характера. Добавим, что сейчас набирает популярность концепция «гибридного конфликта», на основе которого выработано понятие «гибридной войны».

Дополнительные сложности добавляют новые акторы ведения боевых действий. Все активнее заявляют о себе частные военные компании. ЧВК становится символом времени. Хотя если окунуться в историческое прошлое, то следует вспомнить Вест-Индскую компанию, Ост-Индскую компанию, которым не только предоставлялось право печатать собственные деньги, принимать нормативные акты и содержать тюрьмы, но и выдавалось священное для государства полномочие – ведение войны. С использованием такой «третьей силы» трактовка вооруженного конфликта максимально осложнена.

Здесь сделаем дополнительную ремарку. В международном гуманитарном праве отсутствует легальное понятие войны и вооруженного конфликта. Обычно представляются ссылки на ст. 2 Конвенции I: «Помимо постановлений, которые должны вступить в силу еще в мирное время, настоящая Конвенция будет применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в том случае, если одна из них не признает состояния войны. Конвенция будет применяться также во всех случаях оккупации всей или части территории Высокой Договаривающейся Стороны, даже если эта оккупация не встретит никакого вооруженного сопротивления. Если одна из находящихся в конфликте держав не является участницей настоящей Конвенции, участвующие в ней державы останутся тем не менее связанными ею в своих взаимоотношениях. Кроме того, они будут связаны Конвенцией в отношении вышеуказанной державы, если последняя принимает и применяет ее положения». К. Свинарски указывает, что данная статья определяет межгосударственные войны по объективным признакам, отвергая ссылки на квалификацию вооруженного конфликта самими воюющими сторонами [4]. Международное сообщество пытается выработать единые признаки, которые возникают в случае появления очередного нестандартного конфликта. Но в этом вопросе следует согласиться с Ж. Пикте, возлагающим степень вины на «формализм и пустословие», процветающие при формулировании норм международного гуманитарного права [5].

Аналогичные сложности можно наблюдать и при определении понятия «вооруженный конфликт немеждународного характера». К. Лаванд (представитель Международного Комитета Красного Креста) отмечает: «Немеждународный (или «внутренний») вооруженный конфликт означает ситуацию насилия, при которой на территории того или иного государства происходят продолжительные вооруженные столкновения между правительственными силами и одной или несколькими организованными вооруженными группами или между самими такими группами»². Обратим внимание, что К. Лаванд не проводит разницу между гражданской войной и вооруженным конфликтом немеждународного характера, специально подчеркивая, что термин «гражданская война» не является правовым.

С. Вите (юридический советник Международного Комитета Красного Креста) представляет расширенное толкование вооруженного конфликта немеждународного характера, ссылаясь на прецеденты международных судебных инстанций.

² Внутренние конфликты и другие ситуации насилия – какая разница для жертв? // Международный Комитет Красного Креста : сайт. — URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/interview/2012/12-10-niac-non-international-armed-conflict.htm> (дата обращения: 15.09.2020).

Во-первых, должен существовать определенный порог насилия, чтобы отделять конфликт от спорадических актов насилия (хотя и имеющих постоянный характер). Во-вторых, требуется дополнительный критерий – организованность сторон. В-третьих, должна присутствовать напряженность насилия, где показателями выступают «продолжительность конфликта, частота актов насилия и военных действий, характер применяемого оружия, перемещение гражданских лиц, контроль над территорией сил оппозиции, число жертв (погибших, раненых, перемещенных лиц и т.д.)»³.

О. А. Пиотух использует метод исключения (который вряд ли можно признать методологически верным): «II Дополнительный протокол применяется в отношении всех конфликтов, которые не подпадают под действие I Дополнительного протокола, то есть он не применяется в отношении международных вооружённых конфликтов. Нижний предел определения внутренних вооружённых конфликтов установлен в п. 2 ст. 1, им являются внутренние беспорядки и внутренняя напряженность»⁴.

А. В. Осипова, указывая на необходимость выработки критериев вооруженного конфликта немеждународного характера, обращает внимание на второй значимый аспект – установление границ допустимых ограничений прав человека во время гражданской войны [6].

Б. А. Смирнов видит два ключевых признака войны немеждународного характера, среди которых первый – «осуществление враждебных организованных действий между противоборствующими силами общества с применением оружия, массовое противостояние частично вооруженного населения (повстанцев) регулярным вооруженным силам государства, включая и полицейские части, которые использует правительство». Второй – «продолжительность конфликта и контроль повстанцев над частью территории государства» [7]. Автор обращает также внимание на преступные действия террористических организаций, подпадающих под действие уголовного закона. Террорист не может рассматриваться как «комбатант» – участник боевых действий, обладающий международными привилегиями.

З. III. Матчанова видит угрозу в масштабных действиях террористических организациях, склонных перерасти в полноценное вооруженное противостояние [8]. Ярким примером выступает ситуация с ИГИЛ (запрещена в Российской Федерации), когда террористическая организация последовательно проходила стадии развития, в конечном итоге явив миру первый опыт построения террористического государства. Такая практика обуславливает поиск новых мер противодействия, в рамках которых признаки международного и немеждународного вооруженных конфликтов перемешиваются, не давая возможность дать ситуации какую-то однозначную оценку. С. В. Коростелев видит потенциал в новых институтах международного гуманитарного права, где понятие конфликта – далеко не единственное определение, нуждающееся в уточнениях. К тому же налицо различные факторы, меняющие все международное правовое поле: возможность привлечения к международной ответственности индивидов, распространение новых технологий, меняющих реальность, трансформация обязательств государств и многое другое [9]. В другой своей работе автор дополняет: «На практике во внутренних вооруженных конфликтах и иных ситуациях насилия чаще, чем в международном вооруженном конфликте, встречаются ситуации, которые не регулируются международными договорами, но способ разрешения которых может

³ Вите С. Типология вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве: правовые концепции и реальные ситуации // Международный Комитет Красного Креста : сайт. — URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/vite.pdf> (дата обращения: 15.09.2020).

⁴ Пиотух О. А. Вооруженный конфликт немеждународного характера / О. А. Пиотух // Белорусская юридическая энциклопедия: В 4 т. Т. 1. — Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. — С.245-246. — URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/46887> (дата обращения: 15.09.2020).

быть определен обычным международным правом. Причем нормы обычного права, примененного к внутренним вооруженным конфликтам и иным ситуациям насилия, имеют больший объем и вес относительно возможных к применению положений договорного права» [10].

Обратимся к гарантиям основных прав человека, которым посвящена ст. 4 Дополнительного протокола. Изначально предусматривается, что все лица, не принимающие непосредственного участия или прекратившие принимать участие в военных действиях, независимо от того, ограничена их свобода или нет, имеют право на уважение своей личности, своей чести, своих убеждений и своих религиозных обрядов. При всех обстоятельствах с ними обращаются гуманно и без какого-либо неблагоприятного различия. Запрещается отдавать приказ не оставлять никого в живых. Дополнительный протокол предусматривает и запреты: перечень действий, которые рассматриваются международным правом как преступления. Это (приведем лишь некоторые из них):

- пытки, нанесение увечий или любые формы телесных наказаний;
- коллективные наказания;
- взятие заложников;
- акты терроризма;
- работорговля.

Специальные гарантии установлены в отношении детей [11].

В условиях состояния гибридной войны соблюдение установленных гарантий выглядит проблематичным. Вовлечение в такие конфликты представителей ЧВК поднимает вопрос о статусе наемников. Напомним, ст. 47 I-го Дополнительного протокола к Женевским конвенциям предусматривает понятие наемника, в котором центральное место занимает указание: «Наемник не имеет права на статус комбатанта или военнопленного». Это означает, что на него не распространяются льготы, гарантии и привилегии, предусмотренные для указанных субъектов. Более того, наемничество во многих странах является уголовным преступлением, что автоматически переводит сотрудников ЧВК в разряд уголовных преступников. Проблема с ЧВК приобретает глобальный характер. Предлагается принять какие-то общие международные правила, которые могли бы ввести режим частных военных компаний хоть в какое-то правовое русло. Однако до настоящего времени универсальные конвенции (или какие-то иные акты) на международном уровне пока не приняты [12]. Н. Г. Абгарян рассматривает неоднозначность подходов международного гуманитарного права к ЧВК как условие индивидуального подхода в каждом конкретном случае. Причем подход должен основываться на форме участия ЧВК в том или ином конфликте [13].

Гибридная война – это особое состояние, описываемое многими учеными как «серое состояние» между войной и миром. В нем могут концентрироваться различные ассиметричные угрозы, сложившиеся в конкретный момент на конкретной территории. Исходя из этого, его участниками могут быть не только ЧВК, регулярные вооруженные силы, но и транснациональные корпорации, наркокартели, террористические организации, национально-освободительные движения. Подобный «клубок» сводит к минимуму возможность применения какого-то стандартного правового режима. Тем более ситуация усложняется, поскольку каждый участник конфликта может преследовать свои собственные интересы, а их пересечение может варьироваться в зависимости от развития ситуации. При этом интенсивность конфликта может постоянно меняться. Здесь необходимо сделать ремарку. Даже сейчас ни один международный документ не содержит легального определения войны. Во внутренних законах также отсутствует граница между нападениями, которые можно трактовать как вооруженный конфликт международного характера и немеждународного характера. Приведем только один пример – трактовка пограничных инцидентов, которая зависит в большей мере от политической оценки, а не юридической. Напомним, что пограничный конфликт на

китайско-советской границе из-за острова Даманский (1969 г.) ни одной из сторон не объявлялся войной (несмотря на значительное число человеческих жертв).

Таким образом, правовое регулирование вооруженных конфликтов содержит немало «серых зон». Особую актуальность приобретают в настоящее время конфликты немеждународного характера. Отчасти это зависит от глобализации мира, когда государственные границы зачастую становятся не только определенной условностью, но и причиной реанимации взаимных обвинений, носящих глубокий исторический характер. По-видимому, «оговорка Мартенса», требующая проявлять сдержанность в ведении любых боевых действиях, а также руководствоваться принципами гуманизма должна получить развернутый характер и свое распространение на любые возможные конфликтные ситуации вне зависимости от их причины и интенсивности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковлер А. И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека: монография / А. И. Ковлер. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2019. — 304 с.
2. Романовский Г. Б. Современное развитие международного гуманитарного права (к 100-летию с начала Первой мировой войны и 75-летию с начала Второй мировой войны) / Г. Б. Романовский // Гражданин и право. — 2014. — № 8. — С. 3–16.
3. Смирнов М. Г. Вооруженный конфликт немеждународного характера: международно-правовой аспект / М. Г. Смирнов. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2014. — 208 с.
4. Свинарски К. Основные понятия и институты международного гуманитарного права как система защиты человека / К. Свинарски. — Москва : Международный Комитет Красного Креста, 1997. — 72 с.
5. Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права / Ж. Пикте. — Москва : Международный Комитет Красного Креста, 1994. — 127 с.
6. Осипова А. В. Юридическое обоснование применения особых форм правовых режимов в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера / А. В. Осипова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. — 2011. — № 1(4). — С. 91–93.
7. Смирнов Б. А. Международно-правовые и политические подходы к квалификации вооруженного конфликта немеждународного характера / Б. А. Смирнов // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. — 2017. — № 2. — С. 80–88.
8. Матчанова З. Ш. Вооруженные конфликты как фактор распространения терроризма в национальном и международном масштабе / З. Ш. Матчанова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2015. — № 178. — С. 129–133.
9. Коростелев С. В. О проблеме терминологической несогласованности процесса легитимации действий по противодействию террористической угрозе / С. В. Коростелев // Управленческое консультирование. — 2017. — № 7. — С. 25–36.
10. Коростелев С. В. Особенности политико-правового обоснования применения силы во внутренних вооруженных конфликтах при противодействии терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма / С. В. Коростелев // Управленческое консультирование. — 2018. — № 4. — С. 16–26.
11. Джерыкин И. В. Определение термина «ребенок» в международном гуманитарном праве / И. В. Джерыкин // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». — 2018. — № 2. — С. 42–50.
12. Романовский Г. Б. Правовой статус частных военных компаний / Г. Б. Романовский // Гражданин и право. — 2015. — № 12. — С. 15–28.
13. Абгарян Н. Г. К вопросу об участии персонала частных военных компаний в вооруженном конфликте немеждународного характера / Н. Г. Абгарян // Теория и практика общественного развития. — 2017. — № 5. — С. 100–102.

REFERENCES

1. Kovler A. I. *Evropeiskaia konventsia v mezhdunarodnoi sisteme zashchity prav cheloveka: monografiia* [European Convention in the International System for the Protection of Human Rights: Monograph]. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2019, 304 p.
2. Romanovskii G. B. The modern development of international humanitarian law (to the 100th anniversary of the outbreak of World War I and the 75th anniversary of the Second World War). *Grazhdanin i pravo = Citizen and Law*, 2014, no. 8, pp. 3-16 (in Russian).
3. Smirnov M. G. *Vooruzhennyi konflikt nemezhdunarodnogo kharaktera: mezhdunarodno-pravovoi aspekt* [Non-international Armed Conflict: International Legal Dimension] Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2014, 208 p.
4. Svinarski K. *Osnovnye poniatiia i instituty mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava kak sistema zashchity cheloveka* [Basic Concepts and Institutions of International Humanitarian Law as a System for the Protection of Human Rights]. Moscow, Mezhdunarodnyi Komitet Krasnogo Kresta Publ., 1997, 72 p.
5. Pikte Zh. *Razvitie i printsipy mezhdunarodnogo gumanitarnogo* [Development and Principles of International Humanitarian Law]. Moscow, Mezhdunarodnyi Komitet Krasnogo Kresta Publ., 1994, 127 p.
6. Osipova A. V. Legal Justification of Special Forms of Legal Regime in the Armed Non-International Conflicts. *Vektor nauki Tol'iattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iuridicheskie nauki = Science Vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*, 2011, no. 1(4), pp. 91–93 (in Russian).
7. Smirnov B. A. The International Legal and Politic Measures of Qualification Military Conflict of Unintentional Character. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo = International Cooperation of Eurasian States: Politics, Economy, Law*, 2017, no. 2, pp. 80–88 (in Russian).
8. Matchanova Z. Sh. Armed Conflict as a Factor in the Spread of Terrorism in National and International Scale. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2015, no. 178, pp. 129–133 (in Russian).
9. Korostelev S. V. To the Issue of Nonconcurrency of Definitions in a Context of Legitimization of Counterterrorism Operations. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*, 2017, no. 7, pp. 25–36 (in Russian).
10. Korostelev S. V. Features of the Political and Legal Justification of the Use of Force in Internal Armed Conflicts in Countering Terrorism and Other Violent Manifestations of Extremism. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*, 2018, no. 4, pp. 16–26 (in Russian).
11. Dzheriykin I. V. The Legal Term of a Child in International Humanitarian Law. *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu iuridicheskemu zhurnalu» = Electronic Appendix to the Russian Legal Journal*, 2018, no. 2, pp. 42–50 (in Russian).
12. Romanovskii G. B. Legal Status of the Private Military Companies. *Grazhdanin i pravo = Citizen and Law*, 2015, no. 12, pp. 15–28 (in Russian).
13. Abgarian N. G. Concerning the Issue of Participation of Private Military Companies' Employees in Non-International Armed Conflict. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia = Theory and Practice of Social Development*, 2017, no. 5, pp. 100–102 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Романовский Владислав Георгиевич — доцент кафедры уголовного права юридического института Пензенского государственного университета, кандидат юридических наук, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Российская Федерация; e-mail: up406@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Romanovsky Vladislav G. — Associate Professor, Department of Criminal Law, Institute of Law, Penza State University, Candidate of Law, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, the Russian Federation; e-mail: up406@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Романовский В. Г. Права человека в период вооруженного конфликта немеждународного характера: проблемы защиты и регулирования / В. Г. Романовский // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2020. — Т. 8, № 4 (32). — С. 42–50. — URL: <http://esj.pnzgu.ru>. — DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-4-5.

FOR CITATION

Romanovsky V. G. Human Rights in Non-international Armed Conflict: Protection and Regulation Issues. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2020, vol. 8, no. 4, pp. 42-50, available at: <http://esj.pnzgu.ru>. DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-4-5. (In Russian).